

этого большого Человека — автора «Гоним». Хочется отослать читателей к самой книге, убедить их прочесть ее, пережить вместе с автором. Вдуматься и перечувствовать ее душу. Утолить жаду той, по истине, живой водой, которой пропитана каждая ее страница.

«... знайте, любовь и радость со-здания — вот что самое прекрасное, что хочется понять и утвердить нашим далеко несовершенным пониманием».

Какой энергией, какой верой и несокрушимой бодростью звучат его призывы к людям пошатнувшимся, утерявшим веру и в себя и в Россию, ушедшим в жалобы.

«... начинайте действовать, начинайте как-нибудь, с самого малого.. начинайте что-либо создавать...».

«И помните, что даже в минуту передышки, в секунду отирания застилающего глаза поэта, надо думать не о себе, а именно о тех, кто в тысячу раз несчастнее нас, хотя бы потому, что даже не змеют возможности жаловаться...».

В работе здесь, в эмиграции, Гребенщиков видит преддверие к настоящей, светлой и радостной работе на Родине.

«... с удвоенной силой будем работать вдвоем друг от друга, зная, что рано или поздно встретимся радостно-цветущей и единой ниве — на работе для построения новой, светлой Родины, Страны Великого Будущего».

И победным призывом ко всем работающим в области Духа, призывом на борьбу с царящим в мире материализмом, звучат заключительные слова книги Гребенщикова:

«... ты помчишься... с бодрящим призывом о том, как бесконечно высока и невыразимо прекрасна лестница для человеческого восхождения, как радостно спешить вперед,

как трепетно всходить на первые ступени небывалой эры.

Лети мой верный и любимый, мой Гонец».

Алексей Гернг.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО.

(По поводу книги В. П. РЯБУШИН-СКОГО).

— Иностранец, не знающий Русской истории, — писал еще Грибоедов, — мог-бы заключить, «что у нас господа и крестьяне происходят от 2-х различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами». На этом противопоставлении В. П. Рябушинский подробно останавливается и для 18-ого века дает такую картину: «значительный, богатый купец-старообрядец с бородой и в Русском длинном платье, талантливый промышленник... и в то-же время знаток древнего Русского искусства, археолог, собиратель икон, книг, рукописей, — был мужик, а мелкий канцелярист, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие верхушки образования, взяточник... это уже барин».

Соблазнительно распространить определение автора на следующий, 19 век. Тут дело еще хуже. Купец-старообрядец продолжает стоять, как скала, а чинуша уступает место некоему существу, вытланному из 4-ого класса гимназии за неспособность, в 16 лет «научно и окончательно» решившему, что Бога нет и, разумеется, шархнувшемуся в революционное подполье. Наглотавшись там разной премудрости, из социалистических талмудов, он мечтал «о высшем подвиге» — убить царя или хотя-бы городского. Это существо, разумеется, относилось к купцу-староверу, как к «дикому изуверу», а само почиталось «выразителем гражданской скорби», «светочем культуры» и «двигателем прогресса», — ИНТЕЛЛИГЕНТОМ. Вернемся к автору ин-

тересной книги. В. П. Рябушинский выводит этот трагический фарс нашей истории из раскола. Петровские реформы могли быть осуществлены и приняты такие резкие формы, только потому, что им предшествовал Никон. С него и начинается разбивка России по разным племенам, как выразился Грибоедов, «и вера», как поясняет книга Рябушинского. Характерно, что старая вера у крестьянина, в массе усвоившего новые обряды, по духу своему, от древнего православия, в сущности, не отходила. Мужик говорил: «Мы по церкви люди мирские, суетные... и бывало задавал священнику такой вопрос: «а что батюшка, не пора ли нам (с приближением старости) во святую-те веру (т. е. в старообрядчество)». Так было внизу, а наверху тем временем, ученый историк князь Щербатов в «Путешествии в землю Офирскую», советовал рукополагать во священники... полицейских и эти должности совмещать, потому что и те и другие ведают одним и тем же — присмотром за врами...

Несомненным достоинством книги является то, что автор рассматривает ста-

рообрядчество не в его замкнутости, провинциальной отгороженности от всех, а на фоне общих вопросов Русской истории и историософии. С этой стороны старообрядчество ждет и дальнейших исследований. Может быть, только после революции роль старообрядчества станет вполне ясна. Тот сатанинский разлив, который условно именуется революцией, не смог поколебать древле-православной церкви и общины. И прежде встречались высокие оценки. Так митрополит московский Ионникий Руднев (1882-891) говорил, что православие давно обратилось бы в лютеранство, если-бы не было старообрядцев.

Как старообрядцы относятся к православным?

По мнению В. П. Рябушинского, о сближении можно будет говорить лишь тогда, когда православные выкуют твердость веры и духа, равную старообрядческой.

Темы поднятые книгой, настолько значительны, что, давая эту заметку, мы ставим своей задачей только привлечь к ней внимание.

Н. Былов.

Хроника

С момента открытия деятельности К. П. О. (Июль 1936 года) было проведено 19 открытых и 2 закрытых Общих Собрания, были заслушаны следующие доклады:

- Н. Н. Былова — «О причинах Русской Революции».
- Н. В. Станюковича — «Лицо Русской интеллигенции».
- В. А. Попандопуло — «О Национализме».
- Б. И. Куракина — «Новая Конституция».
- Л. Г. Закутина — «О социализме и фашизме».
- С. А. Зенковского — «Монголия».
- Н. Н. Былова — «Расизм и Национализм».
- В. Г. Попова — «Ни красные, ни золотые».
- Б. И. Куракина — «VIII съезд Советов».
- Я. Н. Горбова — «В защиту Монархии».

Исторической Секцией за три месяца было проведено 8 собра-